

Г.А.Сатаров

ФИЛЬТРЫ ИСТОРИИ

Ключевые слова: социальная эволюция, артефакты, социокультурная система, фильтр, политический режим, Ельцин, Путин

Тема преемственности между ельцинским и путинским периодами российской истории относится к числу наиболее интенсивно обсуждаемых в отечественной политике. В центре дискуссии находится тезис: «Недостатки нынешнего политического режима уходят корнями в ельцинский хаос». В более умеренной формулировке этот тезис звучит следующим образом: «Путинское президентство является естественным продолжением ельцинского». Объединяющая эти тезисы мысль используется либо для осуждения ельцинского периода, либо для оправдания нынешнего.

Если отвлечься от политического содержания данных тезисов, за ними скрывается один очень важный вопрос — о непрерывности и разрывах в процессе социальной эволюции или социальной динамики (трансформации). Я использую оба термина, рассматривая социальную динамику как микропроцесс внутри макропроцесса — социальной эволюции. Проблема в том, что теории социальной эволюции¹ анализируют весьма длительные периоды, для которых очевидно наличие изменений. Здесь же речь идет об отрезках времени, исчисляемых десятилетиями. Чтобы перевести политический спор в научную или хотя бы экспертную сферу, желательно обзавестись некими аналитическими инструментами, которые позволяли бы решить следующую задачу: *У нас есть два последовательных периода времени. В какой мере мы можем утверждать, что второй из периодов является естественным продолжением первого? В какой мере второй из периодов может трактоваться как самостоятельный, качественно отличный от предыдущего?*

Попытке ввести такой инструмент и посвящена эта небольшая статья. Мои рассуждения будут базироваться на двух положениях, можно сказать — аксиомах².

Аксиома 1. Любой период времени содержит в себе разнообразные зародыши будущего — как позитивные, так и негативные.

Прежде всего расшифрую этот довольно вольный термин «зародыши». Под зародышами я понимаю широкий спектр социальных артефактов³ — практик, норм (формальных и неформальных), отношений, институтов, идей⁴. Вследствие активности своих членов любой социум постоянно порождает новые социальные артефакты. Некоторые из этих артефактов переходят в будущее, некоторые — нет. Но и те и другие правомерно считать зародышами, поскольку у каждого из них есть

¹ Обзор таких теорий см. Короткая 2003.

² Аксиомы не требуют доказательств, но это не отменяет необходимости обоснования их правдоподобия. В данном математическом контексте аксиома означает базовое положение, на котором строятся дальнейшие рассуждения.

³ Значительное влияние на мои размышления о «социальных артефактах» и социальной динамике вообще оказали такие тексты А.М.Салмина, как «Социальный компьютер» (Салмин 2005), «Держись моих правил...» (Салмин 2010а) и «Метаморфоза российской демократии: от спонтанности к импровизации?» (Салмин 2010б), а также многочисленные личные беседы с Алексеем Михайловичем.

⁴ Дуглас Норт использует термин «убеждения», отводя им важнейшую роль (см. Норт 2010).

шанс оказаться в будущем и укорениться в нем. Говоря о социальной динамике в краткосрочной перспективе, мы можем мыслить ее как процесс постоянной трансляции социальных артефактов из одного выделяемого нами отрезка времени в другой, последующий.

Теперь остановлюсь на тех возражениях, которые можно высказать по поводу аксиомы 1.

Первое возражение, которое возникает при знакомстве с этим утверждением, очевидно: оценка «негативное/позитивное» всегда носит субъективный характер. Это возражение справедливо, но не является опровержением выдвинутой аксиомы в силу того, что ее истинность не изменится, если мы поменяем местами позитивное и негативное (не слова «позитивное» и «негативное», а представления о добре и зле). Эта амбивалентность лишает данное положение признаков холизма, что и должно быть свойственно эволюционным процессам.

Второе возможное возражение касается разнообразия зародышей будущего. Чтобы усугубить претензии, честно признаю, что, говоря о разнообразии, я имею в виду хаотическое разнообразие, обладающее всеми свойствами хаоса вплоть до такого: мы не всегда можем заранее предугадать, какие из черт настоящего (зародыши) окажут позитивное, а какие — негативное влияние в будущем. На самом деле здесь нет ничего экзотического — это свойство присуще любому эволюционному процессу⁵, в том числе эволюции социального порядка.

⁵ Термин «эволюция» используется здесь в том значении, которое вкладывали в него Чарльз Дарвин, говоря о филогенезе, или Фридрих фон Хайек и Дуглас Норт, рассуждая о развитии институтов.

Полезно добавить, что аксиома 1 тесно взаимосвязана с «первой импликацией» принципа имманентного порождения последствий, сформулированного Питиримом Сорокиным: «Любая социокультурная система, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы. Как таковые, эти последствия должны быть приписаны ей, независимо от того, являются ли они хорошими или плохими, желательными или нежелательными, „задуманными“ системой или нет. Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»⁶.

⁶ Сорокин 2006: 808.

Параллели очевидны. В аксиоме 1 и тезисе Сорокина процесс социальных изменений рассматривается с разных сторон, но схожим образом. В аксиоме 1 говорится о разнообразных артефактах, способных путешествовать в будущее, а в утверждении Сорокина — о столь же разнообразных последствиях путешествий артефактов. Это два взгляда на один и тот же процесс из разных временных точек. Сорокин ведет речь о *последствиях*, глядя из настоящего в будущее. Аксиома 1 предлагает взгляд из будущего, усматривая в прошлом как реализовавшиеся, так и не реализовавшиеся возможности, которые объединяются общим понятием «зародыши».

Наконец, третье возражение (точнее, сомнение) связано с категорией временного периода. Как определить, когда заканчивается один

период и начинается другой? Вопрос не столь тривиален, как кажется. Например, историки нам могут сказать, что характер экономических процессов на территории России изменился не после революции 1917 г., а значительно позже. Ответ на приведенное сомнение заключен в следующей аксиоме, но прежде чем ее сформулировать, я должен ввести еще одно очень важное понятие.

Говоря об эволюции социального порядка, мы трактуем неким образом процесс трансляции из настоящего в будущее всевозможных зародышей (идей, норм или практик), полагая, что какие-то из них отмирают (остаются в прошлом), а иные оказываются востребованными и укореняются — обычный эволюционный отбор. Отбор «осуществляют» некие факторы, обстоятельства, события — так, похолодание климата способствует передаче генетической информации уродцев, заблаговременно покрывшихся шерстью или заплывших жиром. В данном контексте для обозначения факторов, «осуществляющих» отбор зародышей при эволюции социального порядка, я предлагаю воспользоваться термином «фильтр».

Рассмотрим пример. В середине XIV в. средневековый мир охватила чума. Распространившись из района озера Иссык-Куль на пространство от Китая до Англии, она только в Европе унесла почти половину населения. В результате некоторое время спустя в европейских странах резко изменилось, выражаясь современным языком, соотношение между спросом на рабочую силу и ее предложением. Именно повышенный спрос на рабочую силу и стал фундаментальным фактором (фильтром), определившим дальнейший ход социальной и экономической эволюции.

Важно отметить, что фильтром была не сама по себе чума. В Китае, например, она не произвела того эффекта, что в Европе. И это неудивительно. Современные представления о функционировании сложных адаптивных самовоспроизводящихся систем⁷, к каковым относится и социальный порядок, включают следующий важный принцип: внешние воздействия на сложную (и т.д.) систему не являются конструктивными. Другими словами, внешние воздействия не определяют реакцию системы — она зависит в первую очередь от внутренних свойств данной системы. Отсюда и разные последствия чумы на Востоке и на Западе.

Таким образом, фильтром является не внешнее воздействие на социальный порядок, но некое важное свойство социальной системы, вызванное внешним воздействием. Однако не всякое свойство социальной системы, возникшее в результате внешнего воздействия, способно стать фильтром. Какое из упомянутых свойств начнет выступать в этой роли, определяется текущим состоянием социальной системы и ее особенностями.

Из сказанного следует, что, анализируя некий период, который мы рассматриваем как относительно стабильный, нельзя забывать, что

⁷ Я имею в виду прежде всего аутопойетические системы, о которых писали основоположники «второй кибернетики» Умберто Матурана и Франциско Варела.

в течение этого периода не прекращается социальная динамика, то есть постоянно возникают новые зародыши, которые включаются в процесс отбора артефактов и трансляции их в будущее. Процесс регулируется наиболее устойчивыми из действующих в данный конкретный момент фильтров.

Теперь можно сформулировать вторую аксиому.

Аксиома 2. Критерием смены исторических периодов (разного масштаба) является появление новых фильтров, определяющих дальнейшую эволюцию социального порядка.

Здесь не случайно говорится о фильтрах во множественном числе. Мы вправе предполагать, что новое качество постоянно наличествующей социальной динамики порождается комплексом взаимосвязанных и дополняющих друг друга фильтров, определяющих в данный момент социальную динамику, ее свойства и (в некотором смысле) направление.

Вооружившись двумя этими аксиомами, мы можем перейти к обсуждению тезиса, связанного с сопоставлением ельцинского и путинского периодов. Я пока не касаюсь вопроса о том, действительно ли это два разных исторических периода (в том понимании, которое зафиксировано в аксиоме 2), но исхожу из общепринятого различения, относящегося к сфере здравого смысла: был один президент, а затем появился другой. Итак, этот тезис (его можно обозначить как тезис о негативной преемственности) звучит следующим образом: *негативные стороны путинского периода уходят корнями в ельцинский период.*

Рассмотрим этот тезис, опираясь на приведенные выше аксиомы.

В свете аксиомы 1 данный тезис является банальностью и не несет в себе никакой информации. Нечто интересное появляется только тогда, когда мы начинаем задавать уточняющие вопросы.

Вопрос первый: находятся ли корни негативных сторон путинского периода именно в ельцинском периоде или их следует искать глубже? Ответ очевиден, и для доказательства достаточно одного примера. Патерналистские настроения в обществе, характерные для путинского правления, унаследованы у советской эпохи и даже более ранних времен. Более того, при Ельцине шло стихийное сокращение патернализма — по той простой причине, что граждане, как котят, оказались брошены в бурные воды переходных процессов и вынуждены были адаптироваться, рассчитывая только на себя.

Вопрос второй: все ли негативные стороны путинского режима уходят корнями в прошлое, или у этого режима есть некие собственные, уникальные черты? Отвечу тоже примером. На протяжении всей истории Нового времени в России существовало разделение на гражданскую и силовую бюрократию, что способствовало, кстати, появлению своеобразной внутренней системы сдержек и противовесов. Так было и в ельцинский период. Путинскому времени присуща уникальная тенденция: спецслужбы не просто проникли во все государственные

институты, включая гражданские, но и фактически взяли их под свой монопольный контроль.

Но это еще не все. Поскольку сформулированные мною аксиомы симметричны с точки зрения предположений о негативных и позитивных свойствах сравниваемых периодов, наряду с тезисом о негативной преемственности имеет право на существование и тезис о преемственности позитивной: *позитивные стороны путинского периода уходят корнями в ельцинский период.*

Конечно, данный тезис столь же банален и неинформативен, как и его двойник с противоположным знаком. И снова здесь важнее ответы на уточняющие вопросы, аналогичные предыдущим. Понятно, что, задавая их, мы обязаны предположить, что у путинского периода, как и у ельцинского, имеются позитивные стороны. Надеюсь, читатель не будет возражать, если, приводя примеры позитивных сторон путинского режима, я буду опираться на то, что утверждают представители и сторонники этого режима.

Вопрос третий: находятся ли корни позитивных сторон путинского периода именно в ельцинском периоде или их следует искать глубже? Как и выше, приведу очевидный пример. Путинский режим относит на свой счет достижение стабильности. Ясно, что она не могла быть заимствована из эпохи Ельцина, поскольку той приписывается хаос. А была ли стабильность раньше? Конечно. Почти до момента начала своего разложения советский режим рассматривался всеми как стабильный. Можно ли считать стабильность унаследованным свойством? Бесспорно: и в том, и в другом случае присутствует такой фактор, как вертикаль власти, наличие которой должно обеспечивать стабильность.

Вопрос четвертый: все ли позитивные стороны путинского режима уходят корнями в прошлое, или у этого режима есть некие собственные, уникальные черты? Должен признаться, что этот вопрос поставил меня в тупик. Если мне и приходят на ум какие-то позитивные стороны нынешнего режима, то они легко находят предшественников в советской эпохе.

Наряду с неудачей в поиске ответа на четвертый вопрос, у принятого анализа есть и другой дефект: мне не удалось найти ни одного позитивного качества нынешнего режима, унаследованного непосредственно у ельцинского периода.

Все вышесказанное остро ставит вопрос о соотношении позитивных и негативных черт нынешнего и предшествующего периодов. Однако я не возьму на себя смелость провести исчерпывающее сравнение, поскольку трудно преодолеть собственные предубеждения. Я могу лишь перечислить две категории свойств, включив в соответствующие списки только очевидные, всеми признаваемые.

Негативные свойства ельцинского периода, позаимствованные путинским режимом (и не просто позаимствованные, но и значительно, часто — катастрофически, усиленные), указать несложно, так как

именно на них постоянно ссылаются приверженцы концепции дурной наследственности. Это коррупция и использование административного ресурса на выборах. Позволю себе высказать предположение, что апелляция к дурной наследственности является своеобразным оправданием безудержного нарастания «генетических» пороков.

Позитивные свойства ельцинского периода, не нашедшие себе места в путинской эпохе, перечислить еще легче (и тоже со ссылкой на многочисленные упоминания). Вместе с тем здесь требуются две оговорки: во-первых, эти свойства ельцинского периода не достигли верха развития, а пребывали в стадии становления; во-вторых, с наступлением эпохи Путина они не исчезли полностью, но, как правило, в той или иной степени деградировали. К ним относятся:

- парламентаризм;
- многопартийность и политическая конкуренция;
- федерализм (включая выборы губернаторов);
- местное самоуправление;
- разделение властей;
- свобода СМИ;
- свобода предпринимательства;
- разнообразие социальных лифтов.

Если отвлечься от возможного влияния моей субъективной позиции, то приведенные выше рассуждения можно резюмировать следующим образом. Сравнивая ельцинский и путинский периоды, мы наблюдаем явную асимметрию заимствований: оправдывая собственные пороки, путинский режим ссылается на предшественников, однако не числит среди своих доблестей развитие их достижений. Данная асимметрия позволяет утверждать, что мы действительно имеем дело с разными историческими периодами. Чтобы подтвердить это заключение, достаточно указать на специфические фильтры путинского периода, определяющие такого рода асимметричный отбор. Это несложно, поскольку они на виду и просто не осмысливались под этим углом зрения.

1. Переход от революционного к постреволюционному периоду, что неизбежно сопровождается возрождением общественного спроса на сильное государство (которое в российской традиции редуцируется до «сильной руки»), а также выдвиганием на передний план патерналистских отношений и нарастанием политической пассивности.
2. Резкое повышение цен на углеводороды, приведшее к доминированию рентоориентированного поведения, в первую очередь среди управленческих элит.
3. Сосредоточение контроля над властью в руках второсортной периферийной элиты, обладающей искаженными и упрощенными представлениями о современном мире и методах управления государством.

Общий вывод, который отсюда следует, таков: нет оснований считать, что путинский период есть прямое продолжение ельцинского. Мы

наблюдаем и кардинальный количественный рост заимствованных негативных свойств, и блокирование позитивных тенденций, и наличие самостоятельных фильтров, ответственных за такой отбор. Это влечет за собой социальные изменения противоположной направленности: те институты, которые формировались в ельцинский период, деградируют в путинский. Поэтому последний вполне можно квалифицировать как самостоятельный исторический период развития страны.

Библиография

- Коротаев** А.В. 2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции.* — М.
- Норт** Д. 2010. *Понимание процесса экономических изменений.* — М.
- Салмин** А.М. 2005. Социальный компьютер // *Полития.* № 3.
- Салмин** А.М. 2010а. «Держись моих правил...» // Салмин А.М. *Избранные статьи.* — М.
- Салмин** А.М. 2010б. *Метаморфоза российской демократии: от спонтанности к импровизации?* // Салмин А.М. *Избранные статьи.* — М.
- Сорокин** П.А. 2006. *Социальная и культурная динамика.* — М.